

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

Герой конца века

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г29

Гейнце Н.

Г29 Герой конца века / Н. Гейнце. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 564 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77647-4

Главный герой — мот, жуир и прощелыга, отставной корнет Николай Савин, которого беспутный образ жизни приводит вначале в финансовую кабалу, затем на скамью подсудимых, а в итоге и побудил заняться финансовыми аферами. Приглашаем пытливого читателя самостоятельно произвести анализ политико-экономической ситуации в России и определить как спустя сто лет социальных потрясений в стране герой умудрился пересечь из брички в «феррари», из дворца в пентхаус, переодеть фрак во смокинг «от армани» и возглавить передовые современных таблоидов.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77647-4

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Часть первая
В ЦАРСТВЕ
ЖЕНУИИ

Г

В Большом театре

Февраль 1876 года стоял холодный и снежный, два весьма редкие качества петербургских зим.

На площади Большого театра вытянулся целый ряд собственных экипажей и длинная лента извозчиков. Кучера и возницы топтались около карет и саней, хлопали рукавицами и перекидывались между собою замечаниями об адской погоде.

Дул действительно резкий ветер, шел косой снег, залеплявший глаза и как бы острыми иголками коловший лицо.

Было около девяти часов вечера.

Насколько мрачно, уныло и холодно было на Театральной площади, тускло освещенной газовыми фонарями, стекла которых были запушены густым инеем, настолько светло и тепло было в зрительной зале Большого театра, переполненной публикой.

Чудной гирляндой цветных туалетов развешивались ложи бенуара, бельэтажа и даже 1-го яруса, туалетов, обладательницы которых, в большинстве, как картины искусных художников, были достойны роскошных рамок. Переливы драгоценных камней всех цветов радуги украшали белоснежные

шей, розовые ушки и затянутые в изящные перчатки грациозные ручки.

Тут был и петербургский «свет» и «полусвет», последний старавшийся затмить первый искусственным сиянием — сиянием драгоценностей и вполне этого достигавший.

Скромные «светские розы», нежные цветы с тонким ароматом чистоты и невинности, робко жались в сторонке перед пышными «камелиями», получавшими свой одуряющий аромат от современного парижского алхимика Герлена, нашедшего средство возвращать молодость и красоту и путем этого средства делать себе золото.

Такую параллель можно было провести, впрочем, лишь между несколькими великосветскими девушками, сидевшими в ложах бенуара и бельэтажа с почтенными старушками, мамами и тетушками, седые букли которых придавали этим ложам особый строгий стиль.

Остальные же светские дамы и даже девушки, как юные, так и перешедшие далеко тот возраст, который называется «бальзаковским», являлись не параллелями дам полусвета, а скорее — слабыми их пародиями. Это были цветки, менее выхоленные, выросшие на менее благородной почве, это были бледные копии тех же камелий, писанные кистью доморощенного дюжинного живописца. Верхние театральные сферы, вплоть до «райка», также пестрели яркими женскими платьями и темными фигурами мужчин во всевозможных костюмах, от модного до длиннополого сюртука и даже до суконной поддевки и крашеного нагольного тулупа.

Партер представлял своего рода торжественную картину, особенно первые ряды кресел, в которых, как известно, сосредоточен фокус балета, тогда как в опере этот фокус звука, а не зрения, находится в дальних рядах.

Оканчивался первый акт балета «Трильби».

Публика для внимательного наблюдателя разделялась на две категории: одна пришла вынести из театра купленное ею эстетическое наслаждение, и по напряженному вниманию, отражавшемуся в ее глазах, устремленных на сцену, видно

было, что она возвращала уплаченные ею в кассе трудовые деньги, другая категория приехала в театр, отдавая долг светским обязанностям, себя показать и людей посмотреть; для них театр — место сборища, то же, что бал, гулянье и даже церковная служба — они везде являются в полном сборе, чтобы скучать, лицезреть друг друга.

Таков обыкновенно у нас контингент театральной толпы. Конечно, среди нее найдется несколько десятков людей, для которых театр не «дорогое удовольствие», не «место выставки себя и нарядов», а нечто, составляющее неотъемлемую часть их жизни, духовной или физической — первые завсегдатаи драмы и оперы, вторые — балета.

Наблюдательный глаз всегда различит группу этих завсегдатаев театра, занимающих первые ряды. Они держат себя с непринужденностью «своих», они все знакомы друг с другом, один бог — бог хореографии, которому они служат, равняет возрасты и положения.

Их «общее дело» видно по взглядам и улыбкам, которыми они перекидываются друг с другом, в их поклонах, пожатиях рук, словом, во всех мелочах их жизненных отношений.

Появление между ними новичка тотчас бросается в глаза.

Он не сразу осваивается в этой среде и его выдает излишняя развязность, желание порисоваться, несдержанная возторженность взглядов и манер.

Таким «новичком» в описываемом нами спектакле был молодой гвардейский офицер, Петр Карлович Гофтреппе, блондин с небольшими усиками на круглом лице, которые он усиленно теребил левой рукой, а правой то и дело поднося к глазам огромный бинокль, целую систему астрономических труб, годных скорее для наблюдений небесных светил, нежели звездочек парусинного неба.

Его серые, бесцветные глаза во время отдыха, который он давал им от наблюдений, живо выражали лихорадочное нетерпение, которое, впрочем, конечно, в меньшей, сдержанной форме, читалось в глазах и других балетоманов.

Они, однако, не вооружась биноклями с ленивою скукою посматривали на сцену, где грациозными пестрыми гирляндами свивался и развивался кордебалет, где мелькали десятки тех ножек, от которых кружатся мужские головы, где сгибались и разгибались торсы, созданные для объятий и вызывающие желания — эти наркотические, если можно так выразиться, моменты балета, не производили на пресыщенных балетоманов впечатления.

Среди них, видимо, царила атмосфера ожидания.

Они ожидали последнего акта балета, когда должна будет появиться недавно объявившееся чудо красоты и грации — характерная танцовщица Маргарита Гранпа.

С год как выпущенная из театральной школы, эта еще совсем юная жрица Терпсихоры сразу оставила за своим флангом подруг по балету, среди которых в то время, кстати сказать, насчитывалось много красавиц, воздушных, грациозных, пластичных.

Все эти звезды померкли перед восшедшим светилом — Маргаритой Гранпа.

Избрав своею специальностью характерные танцы, она с первых шагов на сценичных подмостках не знала, да и до сих пор, сказать вскользь, не знает соперниц.

Для нее почти в каждом балете вставлялись номера, и эти-то номера и были «гвоздями» балета.

В последнем акте балета «Трильби» она танцевала с Кшесинским «цыганский танец».

Его-то и ожидали балетоманы.

Кончалось, как говорили, первое действие, когда в партере появился высокий, статный, красивый мужчина, на вид не более двадцати пяти лет. Изящная сюртучная пара, видимо сшитая лучшим портным, красиво облегла атлетически сложенную фигуру, по походке и по манере держать себя указывавшую на военную выправку.

Достигнув первых рядов кресел, он начал раскланиваться направо и налево.

По выражению лица завсегдатаев балетных спектаклей не трудно было угадать, что он «свой», ему добродушно кивали головой, а выражение удивления вместе с удовольствием встречи говорили, что он появился в театре неожиданно, что он был в отсуствии, ибо так не встречают тех, с кем виделись на прошлом спектакле.

— Здравствуй, Савин!

— Какими судьбами, Николай Герасимович!

— Bonsoir, Savin! (Добрый вечер, Савин!)

— Ты ли это?

— Откуда, брат!

Такие возгласы слышались вполголоса со всех сторон вместе с протянутыми для рукопожатия руками.

С одним только из балетоманов вошедший обменялся церемонным поклоном — это с Гофтреппе, причем, хотя и на одно мгновение, но добродушная улыбка исчезла с лица прибывшего, когда его взгляд встретился со взглядом молодого офицера, отразившим все его внутреннее самодовольное торжество.

Лицо вошедшего вдруг исказилось от какой-то внутренней боли, и он на одно мгновение, повторяем, беспомощно оглянулся вокруг, как бы ища защиты.

Деланно усмехнувшись своей собственной слабости, он прошел в первый ряд и опустился на крайнее от прохода кресло.

Отставной корнет Николай Герасимович Савин, действительно, после довольно продолжительной отлучки появился в Петербурге и в первый раз присутствовал на балетном спектакле сезона 1876 года.

По выражению лица, с которым он доглядел первый акт и смотрел следующие, видно было, что и он, как и другие балетоманы, приехал для последнего действия — для характерного танца Маргариты Гранпа.

Волнение сильного нетерпения, проглядывавшего в каждой черте его мужественного лица, в нервном покручивании

выхоленных усов, невольно выделяло его среди ожидавших появления очаровательной цыганки и красноречиво говорило то, что в этой цыганке для него дорога не только танцовщица, но и женщина.

Несколько раз во время действий и антрактов взгляды Савина и Гофтреппе встречались. Лицо последнего по-прежнему не покидала улыбка торжества, видимо, раздражительно действовавшая на состояние духа первого.

К происходившей между молодыми людьми мимодраме не относились безучастно и остальные балетоманы — что было видно по тревожным взглядам, бросаемым ими по временам то на того, то на другого.

Казалось, их интересовал исход этого представления гораздо более, нежели того, которое шло на сцене. Наконец окончился последний антракт, и занавес взвился.

Выход Гранпа и Кшесинского был в половине акта, но эта половина тянулась для балетоманов вообще, а для Савина, в частности, томительно долго.

Наконец из-за правой кулисы выскользнула давно ожидаемая пара. Оглушительный гром аплодисментов приветствовал ее появление.

Сигнал подавался из первого ряда партера и с быстротою электрического тока передавался всему театру, достигая своего апогея в театральных верхах.

На секунду наступала тишина, театр замирал — артисты уже готовились сделать первые па, как снова еще сильнейшие рукоплескания и восторженные крики огласили зрительный зал.

Артисты стояли рука в руку и с почтительной грацией кланялись приветствовавшей их толпе.

Наконец аплодисменты стали постепенно смолкать, то тут, то там слышались местные взрывы, и перед воцарившейся тишиной раздались единичные рукоплескания.

Оркестр грянул.

Цыганский танец начался.

